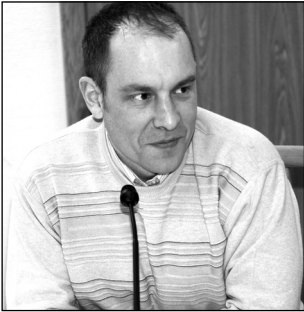

Тема семинара

Идеология и философия солидаризма

Доклад

Социальная солидарность как основа нового «миростроительного» проекта

*А.Н. Окара,
кандидат юридических наук*

Онтологические, концептуальные и политтехнологические ресурсы идеологии и политической философии солидаризма в контексте модернизации России

Кризис проекта «Модерн», сопровождаемый общемировым финансово-экономическим и управленческим кризисом, провоцирует философскую рефлексию и широкую общественную дискуссию относительно поиска новых моделей выживания, самосохранения и развития наций и государств, относительно конструирования новых «миростроительных» проектов, шире — относительно новых структурных и этических основ общечеловеческой и локальной социальности.

Концептуальные параметры постмодерна свидетельствуют о том, что у этого явления нет своего «миростроительного» проекта, что его главный тренд — «не-развитие», отказ от развития. Перспективой такого «не-развития» уже в обозримом будущем могут стать «новое варварство», архаизация и деградация подавляющей части человечества, включая Россию и постсоветское пространство. Перед подобными вызовами проблема проектирования «Неомодерна» или

«Сверхмодерна» становится едва ли не центральной для социогуманитарных наук.

Можно предположить, что лидерами развития имеют больше шансов стать те субъекты (народы, государства, международные союзы, корпорации), которые первыми осознают парадигмы новой эпохи и сумеют к ней приспособиться или даже принять участие в ее формировании.

В условиях глобального транзита на первый план выходит вопрос о согласовании и солидаризации интересов, ценностей и потенциалов всех участников общественных отношений, поэтому социальная теория солидаризма, для которой этот вопрос является ключевым, обретает новое звучание и вполне реальные перспективы востребованности.

Попытаемся рассмотреть ресурсы и возможности солидаризма в качестве интерпретационной модели и программы построения новой социальности.

Социальная солидарность как ответ на главный вызов современности

Распад модернистских ценностей и институтов в современном мире стал не просто ощущением — он стал «мейнстримом», доминирующей тенденцией существования, усиливающей хаотизацию и усложняющей динамику бытия.

К примеру, «Модерн» продуцировал уверенность в существовании незыблемых источников абсолютной истины и абсолютной легитимности прогресса как общего вектора социального развития. Теперь же все выглядит значительно сложнее и неопределеннее. Главными тенденциями существования человечества можно считать деонтологизацию, разрушение иерархичности мироустройства, разрушение прежней модернистской картины бытия и институтов, которые ее задавали. Распад пирамиды ценностей и системы общепризнанных авторитетов — лишь видимые симптомы этих процессов.

Трансформацию переживают и старые формы социальной легитимности — речь о недостаточности прежних форм и методов поддержания лояльности внеэлитных слоев и кризисе выборной демократии как форме легитимации политической элиты. В качестве новой формы легитимности, дополнительной по отношению к существующим, к элитам теперь предъявляется требование *проектной субъектности* — необходимости наличия внятного стратегического мировоззрения и проекта эффективного развития государства.

В новых условиях социальную субъектность обретают прежде бессубъектные сущности — увеличиваются формальная независимость индивида и диапазон личностного планирования, возникают феномены «нового кочевничества» и транснациональных «людей воздуха», радикально возрастает значение сетевых структур и сетевого управления, при помощи которого малые группы, обладающие минимальными ресурсами, обретают возможность «несимметрично» влиять на глобальные процессы.

Так выглядит «точка бифуркации», точка неравновесия, точка выбора дальнейшего пути развития. Один из них связан с архаизацией, «не-развитием» и глобализацией на основе тотальной унификации, другой — с «перепрыгиванием» на новую орбиту развития, которое, судя по всему, будет проходить на качественно иных основаниях, чем в эпоху «Модерна».

Очевидно, что мировое сообщество нуждается в новой онтологии, в новой этике, в новой социальности, в новом аппарате видения и моделирования будущего, в новых механизмах согласования интересов и ценностей. Иначе говоря, в новых механизмах выживания и самоорганизации. В условиях глобальной трансформации на первый план выходят новые этические основания бытия — *этика ненасилия, проблемы доверия и свободной лояльности*, а также связанные с ними механизмы самоорганизации и синергетического взаимодействия, технологии «мягкой власти» (*soft power*) и рефлексивного управления. Возникают локальные социальные ниши, в

которых есть запрос на новую социальность, выстроенную на основе *этики «запрета зла»*¹.

Социальная солидарность, основанная на представлении о всеобщей социальной субъектности, которое, в свою очередь, основано на христианском представлении о креативной предназначенности человека и человеческой сотворенности по образу и подобию Божию, становится потенциальной идеологией самоорганизации и саморазвития амбициозного общества. Поэтому вопрос о согласовании и солидаризации интересов и ценностей всех участников общественных отношений выступает в качестве одного из ключевых для программирования будущего.

Солидаризм как концептуализация солидарности

В современной России солидаризм пока сравнительно мало рассматривается в качестве системы идей, взглядов и технологий, актуальных при моделировании стратегий социального развития. Тем не менее, интерес к нему возрастает во всем мире — особенно на фоне глобального финансово-экономического и структурного кризисов; нередко он рассматривается чуть ли не как «философский камень» новой эпохи. Можно сказать, что идеология, политическая философия, философия права и политэкономия солидаризма обретают новую жизнь.

Солидаризм нередко путают с солидарностью, однако это явления разного порядка. Солидарность — социальное состояние, присущее человечеству на протяжении всей его истории; солидаризм — политическая идеология, философское учение, социальная технология и соответствующая управленческая практика, основанная на идее общего блага, солидарности и согласовании интересов и ценностей.

¹ Речь о так называемой первой этической системе В.А. Лефевра, в которой предполагается, что при помощи зла невозможно достичь добра. См.: *Лефевр В.А. Алгебра совести*. М., 2003.

Солидарность (франц. *solidarité*) — общность интересов, единомыслие, единодушие, взаимозависимость, взаимосвязанность, круговая порука, совместная ответственность. Солидарность можно определить как принцип социального существования, предполагающий объединение ресурсов и возможностей субъектов отношений для достижения общих целей, при этом интересы каждого из субъектов находятся в равновесии с интересами общности.

Солидарность следует рассматривать как механизм социальной саморегуляции, самосохранения и саморазвития коллективного организма, который позволяет максимально использовать возможности всех членов общества для индивидуального и всеобщего блага.

Солидаризм (неосолидаризм) — принцип построения социальной системы, в которой ее члены (граждане, семьи, этносы, религиозные конфессии, социальные группы, политические партии, бизнес-корпорации и др.) обладают реальной правовой и социально-политической субъектностью, на основе чего их права, возможности и интересы могут быть консолидированы и солидаризированы ради достижения консенсусных целей (общего блага) в социальных рамках различного масштаба (локального, общенационального, глобального). Отвергая как либеральный индивидуализм, так и тоталитарный эгалитаризм, солидаризм пытается породить собственную «симфоническую» антропологию и онтологию, основанную на балансе индивидуальных и всеобщих интересов.

Российский идеолог солидаризма Г.К. Гинс понимал его как «учение о государстве и обществе, этической основой которых является идея солидарности, находящая свое выражение в добровольных объединениях лиц с общими интересами и координации расходящихся интересов государством, действующим в строгом соответствии с демократическими принципами»².

² Гинс Г.К. Современный капитализм и предстоящая эпоха (философия солидаризма) // Портрет солидаризма. Идеи и люди. М., 2007. С. 118.

Солидаризм в Западной Европе

Солидаризм в своем развитии пережил несколько этапов, причем на каждом из них он выступал в различном качестве: во Франции на первый план выходили социально-экономические аспекты, в Англии — правовые, в Италии и Германии — политические, в России и Украине — организационные, философские и метафизические.

Концептуально солидаризм восходит к философии немецкого романтизма — он появился как реакция на разочарование в либерализме и ценностях Французской революции 1789 г. В качестве альтернативы буржуазному строю была выдвинута идея корпоративно-сословного братства, апеллировавшая к средневековому сословному обществу. Адам-Генрих Мюллер сравнивал государство с «семьей семей», в которой сословия соответствуют элементам семейной структуры (именно в этом контексте рождается и образ «нации-семьи»). Государство должно иметь право вмешиваться в общественную и экономическую жизнь для защиты граждан и сословий, при этом буфером между государством и гражданином должны стать корпорации — органы сословно-профессионального самоуправления (ничего общего с современными финансово-промышленными корпорациями!). Особая роль отводилась церкви как высшей нравственной инстанции. Именно из этого источника берет свое начало христианский социализм и христианско-демократические идеологии. Карл Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» подобный тип корпоративизма назвал «феодальным социализмом».

Но в полный голос солидаризм заявил о себе во Франции, где в начале XX в. он некоторое время даже считался официальной идеологией Третьей республики (1870–1940) и был призван нейтрализовать социальный антагонизм и угрожавшую существованию государства разгоравшуюся классовую борьбу. Там его понимали прежде всего как поли-

тэкономическое либо сугубо экономическое учение (Шарль Жид, Шарль Альфред Бугле «Солидаризм» (1907), Эмиль Дюркгейм «О разделении общественного труда» (1893), Леон Буржуа «Очерк философии солидарности» (1902), Эйхталь «Социальная солидарность и ее новые формулы» (1903), Флеран «Солидарность» (1907)), а также как специфическую правовую теорию позитивистской направленности (Леон Дюги, Морис Ориу).

Примечательно, что само слово «солидаризм» ввел в широкий оборот в 1840-х гг. французский философ-утопист, автор доктрины христианского социализма и последователь Сен-Симона Пьер Леру (1797–1871) (ему же принадлежит и термин «социализм»). Однако во Франции солидаризм остался преимущественно утилитарно-экономической доктриной, не получившей ни политической платформы, ни философского обоснования, к тому же большинство его идеологов были «прогрессистами» — атеистами, борцами с религией, масонами нерелигиозной направленности.

После поражения в Первой мировой войне солидаристские идеи начали активно развиваться в Германии, в католической среде, в контексте философии неотомизма. Наиболее яркие представители течения — Генрих Пеш и Густав Гундлах — даже были иезуитами. Они отвергли популярные тогда идеи «глобального организма» или «всемирного онтологического единства» как проявление пантеизма, ведущего к тоталитаризму и не имеющего ничего общего с солидаризмом. Настоящий солидаризм, солидарное существование возможно лишь в контексте органического понимания общества. Генрих Пеш называл солидаризм социальной системой, «которая придает подлинное значение солидарному объединению людей, таких как члены природного сообщества, начинающая семьей и заканчивая государством».

С определенными допущениями говорить о солидаристских мотивах можно применительно к идеологии итальянского, испанского и немецкого корпоративизма (фашизма и

национал-социализма) 1920–1930-х гг. Идеи корпоративного государства и концепт механической солидарности использовались там для легитимации гитлеровского, франкистского и муссолиниевского режимов и соответствующего тоталитарного дискурса растворения индивида в «общем деле». Работа Бенито Муссолини «La Dottrina del fascismo» («Доктрина фашизма») (1932), часто приписываемая итальянскому философу-неогегельянцу и теоретику корпоративизма Джованни Джентиле, считается наиболее аутентичным изложением подобного мировоззрения и системы ценностей: «Для фашизма человек — это индивид, единый с нацией, Отечеством, подчиняющийся моральному закону, связующему индивидов через традицию, историческую миссию, и парализующему жизненный инстинкт, ограниченный кругом мимолетного наслаждения, чтобы в сознании долга создать высшую жизнь, свободную от границ времени и пространства. В этой жизни индивид путем самоотрицания, жертвы частными интересами, даже подвигом смерти осуществляет чисто духовное бытие, в чем и заключается его человеческая ценность»³. Принципиальное отличие подобной тоталитарной антропологии от солидаристской заключается в отрицании за индивидом частных интересов и неповторимой индивидуальности («вне государства нет индивида»), хотя формально говорилось о снятии противоречий между частными и общественными интересами. Корпорации и профсоюзы в условиях тоталитарного строя в Италии, Испании и Германии превратились в бюрократический придаток тоталитарного государства и перестали влиять на политический процесс. Лояльность государству, Отечеству и национальной истории при тоталитаризме должна осуществляться не на основе свободной лояльности, как в солидаризме, а на основе жесткого принуждения «сверху». Поэтому любой «несолидарный» в тоталитарном обществе однозначно рассматривался как враг, с которым надлежит расправиться.

³ См.: www.nationalism.org/vvv/library/mussolini-doctrina.

В послевоенной Западной Германии в ходе реализации так называемого плана Джорджа Маршалла именно солидаризм («третий путь», «ордолиберализм») стал идеологией экономического возрождения страны⁴. Солидаристские концепты и идеология рассматривались как мотор для возрождения общества и экономики: рыночная свобода соединялась с устанавливаемым государством жестким государственным регулированием, при этом экономическая модель непременно должна была опираться на нравственные основания.

В современной Западной Европе присутствие солидаристских идей заметно в идеологии шведского социализма, лейбористских (трудовых) и христианско-демократических партий.

Солидаризм в России

Весь спектр солидаристских учений невозможно представить без «славянских альтернатив» — без специфического воплощения этого учения в контексте русской интеллектуальной и политической культуры и культур некоторых иных близких народов. В этом случае солидаризм рассматривается в контексте присущих восточному христианству и славянству духовных, культурных и социальных реалий, среди которых необходимо выделить: учения о соборности, всеединстве и преображении, социальные феномены централизованного авторитарного патерналистского государства, а также опыт казацкой вольницы и безгосударственности, социальную этику «смирения» и «послушания», славянский коллективизм и славянский индивидуализм, социальный опыт самоорганизации, представления о «широте славянской души» и т. д.

В отечественной интеллектуальной традиции — в социальной философии, философии права и общественно-политической мысли — идея солидарности имеет глубокие

⁴ См.: Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М., 1994.

корни. Можно сказать, что *солидаризм* — это «*мейнстрим*» русской философской мысли, но принципиально чужеродное явление для российской власти.

Еще в древнерусской культуре и православном богословии были распространены неоднозначные, с догматической точки зрения, представления о коллективном спасении и апокатастасисе (конечности адских мук и всеобщем спасении)⁵. Образ Святой Руси воспринимался как формат «абсолютной родины» — как место всеобщего спасения и преображения человечества в Богочеловечество. Крайне интересно, с точки зрения онтологии солидарности, православное учение исихазма: в этой сугубо индивидуальной духовной практике акцент делался на стяжание Божественных энергий, на обожение человека, на синергию (сотворчество) человека и Бога. В православной социальной этике еще в византийский период было разработано учение о симфонии церкви и государства как об оптимальной форме их обоюдного сотрудничества, взаимной поддержки и взаимной ответственности — при невторжении одной стороны в сферу исключительной компетенции другой⁶.

В светской общественно-политической мысли и философии более позднего времени представления о солидарности развивались в двух направлениях — *социально-экзистенциальном*, в котором солидаризм воспринимался прежде всего как онтология и сотериология (учение о спасении), и *социально-утилитарном*, в котором он воспринимался прежде всего как социальная технология. Иначе говоря, во-первых, *солидарность-как-соборность* и, во-вторых, *солидарность-как-взаимопомощь*.

⁵ В Откровении Иоанна Богослова речь идет исключительно об индивидуальном спасении: «Я есмь испытующий сердца и внутренности; и воздам каждому из вас по делам вашим» (Откр. 2, 23) и «дела их идут вслед за ними» (Откр. 14, 13).

⁶ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви (Глава III. Церковь и государство). См.: www.patriarchia.ru/db/text/141422.

В первом направлении речь идет о поиске параметров «жизни вечной» — об эсхатологии и спасении. Эта линия прослеживается в представлениях о «сродном труде» у Григория Сковороды, в концепции *соборности* Алексея Хомякова, согласно которой «Церковь есть не множество лиц в их личной отдельности, но единство Божьей благодати, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати»⁷, далее развивается в метафизике *всеединства* Владимира Соловьева, в культуре русского *религиозно-философского ренессанса* и Серебряного века, в *идеал-реализме* Семена Франка, в философии «*космизма*», в философии «*общего дела*» Николая Федорова и учении Владимира Вернадского о *ноосфере*.

Для второго, социально-утилитарного понимания солидарности, характерен интерес к механизмам человеческого взаимодействия, направленным на консолидацию всеобщих усилий по достижению экономического, политического или социального эффекта. Учения о солидарности социально-утилитарного типа становятся популярными вместе с распространением в Российской империи социалистических идей — сначала у Герцена и петрашевцев, потом у «народников» и анархо-синдикалистов — П.Л. Лаврова, М.А. Бакунина, П.А. Кропоткина, Л.И. Мечникова, Н.К. Михайловского. Характерным для этого круга мыслителей является идея Кропоткина о солидарности (взаимопомощи) как факторе развития человечества. У известного на рубеже веков социолога М.М. Ковалевского разрабатывается понятие «*замиренной среды*»: в обществе вместо борьбы должна воцариться солидарность, понимаемая как «сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга»⁸. Л.И. Мечников описывает солидарность как фактор выживания в критических геоклиматических условиях России: «Смерть или со-

⁷ Хомяков А.С. Церковь одна // Хомяков А.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 5.

⁸ Ковалевский М.М. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. Социология. СПб, 1997. С. 83–84.

лидарность, других путей у русского народа не было, чтобы не погибнуть, — он должен был прибегнуть к солидарности и общему коллективному труду для борьбы с окружающими неблагоприятными условиями физико-географической среды»⁹.

В конце XIX в. российский правовед-солидарист Н.М. Коркунов разработал теорию права как разграничения интересов, в начале XX в. речь о социальной солидарности идет в исследованиях о кооперации М.И. Туган-Барановского, Н.Д. Кондратьева, А.В. Чаянова. Особое место в этом ряду занимает попытка практической реализации солидаристских и анархо-синдикалистских идеалов, предпринятая Нестором Махно в ходе Гражданской войны в южноукраинских степях.

Для авторов сборника «Вехи» (1909), а потом и для идеологов Русского Зарубежья (Николая Бердяева, Ивана Ильина, Сергея Левицкого и круга Народно-Трудового Союза) характерно синтетическое отношение к солидарности, в котором ее экзистенциальное понимание как соборности и утилитарное понимание как технологии взаимопомощи соединяются — это проявляется не только в теоретических построениях, но и в политических программах. Следует отметить, что в западноевропейской интеллектуальной традиции солидарность понимается прежде всего — а то и исключительно — как социальное явление, как взаимопомощь, как результат разделения труда. В русской традиции, напротив, она тяготеет к этическому, метафизическому и экзистенциальному истолкованию — как проявление соборности, всеединства, целостности и органичности бытия. В основе западноевропейского понимания солидарности лежит идея равенства, в основе русского — братства. Западноевропейское государство, согласно Б.А. Кистяковскому, озабочено «охранением права», российское (в идеале) — «созиданием фундамента для высшего расцвета

⁹ Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 443.

личности»¹⁰. В целом, подобное деление соответствует двум противоположным подходам к анализу государства — институциональному на Западе и этическому — в России¹¹.

Одним из наиболее интересных и последовательных идеологов солидаризма Русского Зарубежья может считаться С.А. Левицкий (1908–1983). Формально он принадлежал к НТС, однако его философские построения, близкие к персонализму и продолжающие линию Н.А. Бердяева и Н.О. Лосского, достаточно далеки от авторитарно-радикального духа манифестов этой организации.

В его концепции «органического мировоззрения» солидарность понимается как двигатель социального развития, возвращающая общество к онтологической целостности. При этом борьба и конкуренция не исключаются — они рассматриваются как важные, но не определяющие факторы: «Связующая и объединяющая сила солидарности первичнее разъединяющей и отчуждающей силы борьбы. Сама борьба может существовать лишь там, где имеется налицо солидарность внутри борющихся групп... Борьба предполагает включенность борющихся между собой целостностей в некое объемлющее их единство»¹².

С.А. Левицкий отмечает, что солидаризм основывается на персоналистской философии, проникнут духом христианского учения и стремится быть социальной проекцией христианства: «Солидаризм — против социализации христианства, но он за христианизацию социальности. Солидаризм одушевлен и движим духом христианского учения»¹³. Среди заметных

¹⁰ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 142–143.

¹¹ Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008. С. 165.

¹² Левицкий С.А. Основы органического мировоззрения // С.А. Левицкий. Свобода и ответственность: «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М., 2003. С. 156.

¹³ Левицкий С.А. Социализм и солидаризм // С.А. Левицкий. Указ. изд. С. 280.

идеологов солидаризма из круга НТС и журнала «Посев», помимо С.А. Левицкого, следует назвать Г.К. Гинса (именно он ввел в русскую общественную и научную мысль термин «солидаризм», ему же принадлежит концепция «координационного права»), Р.Н. Редлиха, В.Д. Поремского, И.В. Воцинина, Б.С. Пушкарева. В их программных работах солидаризм понимался как корпоративизм, предполагавший координацию социальных объединений (корпораций) на основе укорененных в российском обществе еще со времен Древней Руси принципов добровольности и самоуправления.

Идеи солидаризма развивались также в среде украинской эмиграции. В частности, солидаризм был официальной идеологией ОУН (м) (мельниковского крыла Организации украинских националистов) на протяжении четверти века — в 1947–1972 гг. Среди заметных идеологов солидаристской или близкой консервативно-солидаристской направленности можно назвать В. Липинского, Д. Донцова, Ю. Липу, О. Бодуйника, В.-Ю. Данилива, а также активистов «Союзу гетьманців-державників» — соратников гетмана Павла Скоропадского. В этой среде существовало мнение, что солидаризм особенно близок украинскому обществу ввиду длительной безгосударственности Украины и отсутствия сильной моноцентричной власти, что проявилось и в давнем опыте запорожского казачества, и в более близком во времени опыте махновского движения.

В наиболее яркой из солидаристских концепций — концепции «класократии» («класократической трудовой монархии») В. Липинского — общество солидаризируется на основах «сродности» и согласования классовых интересов. «Класократия» — это фактически «динамический элитизм», когда в национальную аристократию вливаются лучшие представители всех общественных классов (при доминировании класса крупных земельных собственников). «Класократия» Липинского отвергает и либерально-демократические, и националистические, и тоталитаристские социальные проекты.

В книге В.-Ю. Данилива «Солідарність і солідаризм» солидаризм и коммунизм рассматриваются как две продуктивные и теоретически разработанные глобальные альтернативы капитализму, однако между ними невозможен никакой союз¹⁴. В современной Украине среди ведущих политиков последовательницей солидаризма открыто провозглашает себя Юлия Тимошенко. Как представляется, украинский исторический опыт социальной солидарности и некоторые разработки украинских солидаристов имеют универсальное теоретическое значение и применимы в иных обществах.

Солидаризм на «карте» политических идеологий

На «карте» современных идеологий место солидаризма обозначено размыто, тогда как идеологии, чья история сознательного развития исчисляется двумя-тремя столетиями и чья системность не вызывает сомнений (либерализм, консерватизм, социализм, социал-демократия), «прорисованы» достаточно четко и рельефно. По этой причине солидаризм нередко трактуют как «фрагментарную», «гибридную», «эклектичную» идеологию, не имеющую ни собственной политической философии, ни фиксированной системы онтологических представлений, ни собственного социально-политического проекта, ни даже устоявшейся риторики и понятийного аппарата.

Все это верно лишь в том отношении, что уровень теоретической проработки солидаризма ниже, чем иных классических идеологий, и что каждое из направлений солидаризма на различных этапах его развития пыталось абсолютизировать себя как единственно верное, размывая общие идеологические контуры. Именно с этим связано распространенное предубеждение, что солидаризм — это либо сугубо французская экономическая доктрина, либо итальянская философия

¹⁴ См.: Данилів В.-Ю. Солідарність і солідаризм. К., 2000.

тоталитарной направленности, либо российские разговоры о «соборности», «всеединстве» и «Святой Руси».

Актуальной задачей изучения, развития и позиционирования солидаризма является разграничение его концептуального содержания и содержания иных политических идеологий — путем выявления общего, особенного и уникального в каждой из них.

Эта задача усложняется вариативностью современных идеологий (наличием множества разновидностей, течений, национальных вариантов), их диффузией и попыткой современных идеологов создать универсальную гибридную идеологическую модель, в которой сочетались бы лучшие и наиболее конкурентоспособные идеологемы.

Поэтому в нашем сравнении солидаризма с классическими политическими идеологиями речь идет о наиболее типичных, глубинных и принципиальных чертах каждой из них.

Солидаризм и либерализм

Их объединяет установка на субъектность, самодостаточность и активность индивидов. С точки зрения обеих идеологий, частная инициатива является главным мотором самоорганизации и общественного развития. Однако частная инициатива и частный интерес в солидаризме корреспондируется с общественным интересом, тогда как в либерализме он самодостаточен и разграничивается лишь с интересом иного субъекта. Либеральная онтология исходит из дискретности и атомарности мира, тогда как солидаристская — из его органичности и взаимозависимости.

Венцом творения либералы считают индивидуальность в ее эгоистическо-абсолютистском виде — человека как данность, человека в имманентном (но не трансцендентном) измерении. Такой человек зол и порочен, но изменить его нельзя и не надо — следует принимать его таким, каков он есть. Индивид — все, остальное — ничто. Государство — не

организм и не субъект, обладающий проектной логикой, а «ночной сторож» — инструмент в руках элитных классов.

С точки зрения солидаризма, государство должно быть не «ночным сторожем», но и не тотально-патерналистским молохом, как в консервативных идеологиях либо в тоталитарных разновидностях социализма. То есть солидаристское государство сильнее либерального, но слабее социалистического и консервативного. В идеале оно должно стать соратником и партнером для амбициозных классов, соучастником в проекте развития. Идеологи НТС считали, что идеальное государство — это «не ночной сторож, как при либерализме, не командир, как при диктатуре, а светофор на перекрестке, который не дает машинам столкнуться, но в остальном предоставляет водителям ехать, куда им надо»¹⁵.

Либерализм с его индивидуализмом испытывает наименьшее из всех идеологий сочувствие к незащищенным слоям общества — бедным, больным и слабым. Их не жаль: в том, что они не способны себя защитить и стать богатыми, здоровыми и сильными — виноваты сами. Это их частные проблемы, и нет никаких оснований тратить на них средства, которые можно перераспределить среди успешных тружеников (например, путем снижения налогов).

Солидаризм и консерватизм

И консерватизм, и солидаризм исходят из органической, холистской модели бытия как такового. Поэтому государство — это не бездушная машина, а организм, в котором каждый орган исполняет свою функцию, и отсечение какого-либо органа не может пройти безболезненно для всего организма.

Государство — в понимании консерваторов — разумно, наделено проектной субъектностью и призвано быть нрав-

¹⁵ *Пушкарев Б.* Российский солидаризм: вчера и сегодня // Посев. 2003. № 4.

ственным авторитетом и регулятором. По отношению к гражданам оно как строгий отец: «лишнего» не позволяет, заставляет работать, частную инициативу особенно не одобряет, зато в критической ситуации всегда спасет, поможет и накормит.

В контексте солидаристской идеологии государства не должно быть избыточно «много», ведь в условиях патернализма внеэлитные слои исключаются из процесса принятия решений — пропадает частная инициатива и субъектность, а общество теряет способность к внутренней динамике, саморазвитию и саморегулированию. Корпоративная теория предлагает наличие корпорации — посредника между государством и гражданином.

Одна из важных интенций консерватизма — культ элиты, апологетика аристократии крови, обоснование социального неравенства. Для солидаризма, в отличие от консерватизма и либерализма, не характерен какой-либо специфический культ «сильных» или «альфа-особей». Элита в солидаризме — это открытое сообщество людей, готовых быть «моторами» социального развития. В целом солидаризм, с рядом оговорок, можно назвать идеологией «бета-особей».

Важным «общим местом» солидаризма и консерватизма является ориентация на приоритет духовно-нравственных ценностей, которые в обеих идеологиях рассматриваются в качестве принципиально значимых мировоззренческих основ. И там, и там большое внимание уделяется религии и церкви как институтам социальной регуляции.

Солидаризм и социал-демократия (социализм)

С солидаризмом социал-демократические и социалистические идеологии объединяет а-элитизм — отсутствие жесткого и непроницаемого деления общества на элиту и внеэлитные слои. Разумеется, классовое, сословное и имущественное неравенство в представлении солидаризма оста-

ется, и государство не стремится учинить экспроприацию и отобрать все у богатых. Но подобное неравенство не абсолютизируется и не считается априорным благом — в отличие от идеологий консерватизма и либерализма. Социальное и имущественное неравенство, с точки зрения солидаризма, является благом лишь в той степени, в которой оно создает стимулы для развития, т. е. до того уровня, пока бедные, благодаря неравенству, хотят больше и лучше работать, чтобы стать богатыми.

Социал-демократы исторически выступают за разжигание и обострение классово-борьбы, солидаристы — за компромисс, за взаимные уступки и примирение работников и работодателей. Социал-демократия в идеале — за социальную революцию, солидаризм — за эволюционный путь развития. Социал-демократы (а также большинство консерваторов) — за коллективизм и альтруизм (либералы — за индивидуализм и эгоизм), солидаристы — за гармонию частного и общественного. Социал-демократия в большинстве случаев индифферентна либо враждебна по отношению к религии, солидаризм — за торжество христианских ценностей.

Солидаристские и социал-демократические идеи закрепились в концепциях современного социального государства. Общая установка обеих идеологий заключается в том, что бедных, больных и слабых надо поддерживать, но далее мнения расходятся: то ли им необходимо гарантировать социальный минимум — чтобы они не умерли от голода и болезней, то ли их надо сделать богатыми, здоровыми и сильными — за счет изначально богатых, здоровых и сильных, однако тогда у последних исчезнет интерес к развитию и обогащению. Фигурально выражаясь, социал-демократы предлагают дать нуждающимся и социально слабым «рыбу», тогда как солидаристы предлагают дать им «удочку». Солидаристы, либералы и консерваторы — за частную собственность на средства производства, социал-демократы — как правило, против. Солидаристы нередко подчеркивают, что

они за социально ориентированную рыночную экономику и что право собственности должно отягощаться некоторыми социальными обязательствами. Либералы же такой подход трактуют как покушение на самое святое — как ограничение права собственности и недопустимое вмешательство государства в экономику.

Солидаристы, социал-демократы и большинство консерваторов считают, что образование и здравоохранение — это общественная проблема, что ее основное бремя должно лежать на государстве. Либералы, напротив, считают, что это частная проблема, которую каждый гражданин должен решать сам и за свои деньги.

Солидаристы, либералы и социал-демократы считают, что в обществе должны доминировать горизонтальные связи, консерваторы с почтением относятся к иерархиям и вертикальным связям.

В солидаризме много внимания, по сравнению с иными идеологиями, уделяется развитию, саморазвитию и творческой эволюции общества.

Образно говоря, с точки зрения социализма и социал-демократии, богатый должен поделиться с бедным. С точки зрения консерватизма, бедный должен полюбить богатого. С точки зрения фашизма, бедный и богатый должны объединиться перед лицом общего врага. С точки зрения либерализма, каждый бедный может стать богатым. А вот с точки зрения солидаризма, богатый должен помочь бедному. Но не в смысле поделиться: *богатый должен помочь бедному стать богатым.*

Таким образом, в солидаризме много общих моментов с иными политическими учениями, но он несводим ни к одному из них. При этом солидаризм не имеет непреодолимых концептуальных или ценностных преград ни перед одной из классических идеологий, что может позволить его сторонникам найти общий язык и взаимопонимание с конструктивно настроенными идеологами и политиками практически лю-

бой ориентации. С либералами основой сотрудничества может стать отношение к амбициозным субъектам (индивидам, классам, корпорациям) как к «моторам» развития общества, с консерваторами — органическое понимание государства и социальной реальности, а также отношение к политике сквозь призму нравственных и религиозных ценностей, с социал-демократами и социалистами — борьба за социальную справедливость, защита интересов людей труда.

Солидаризм как «антицентр» между «правыми» и «левыми»

Достаточно любопытен и совершенно не прояснен вопрос о месте солидаризма в координатах правых/левых идеологий. Большинство попыток определить такое месторасположение оказываются неудачными — вроде бы, что-то в солидаризме есть левого, общего с социал-демократией, а что-то — правого, общего с консерваторами и националистами. Сами идеологи солидаризма из круга НТС также затруднялись с ответом на этот вопрос — наиболее распространенным был взгляд, согласно которому солидаризм находится по ту сторону «правого» и «левого»¹⁶.

Традиция определения идеологической правизны/левизны начинается со времен Французской революции 1789 г., когда в Учредительном собрании справа заседали консерваторы-роялисты, слева — якобицы, радикал-демократы и руссоисты, в центре — представители промежуточных позиций.

Для определения идеологической «географии» солидаризма, как нам представляется, допустимо воспользоваться методологией, предложенной А.Г. Дугиным. В ней, помимо «левого», «правого» и «центра», вводится четвертое самостоятельное понятие — «антицентр». Поэтому идеологические координаты в этой методологии предлагается рассматривать не как отрезок, а как окружность, так что «правые» и «ле-

¹⁶ Там же.

вые» соотносятся друг с другом не только через «центр», который служит посредником в их непримиримой вражде, но и через «антицентр», в котором «крайне левые» смыкаются с «крайне правыми», крайне революционные идеи с крайне консервативными¹⁷. В солидаризме соединяется крайне левое отношение к труду и социальному неравенству, одновременно — крайне правое отношение к сословному делению общества и к приоритету духовно-нравственных ценностей. Подобное сочетание встречается и у русских народников, и у эсеров (социалисты-революционеры, кстати, считали себя наследниками одновременно левых революционных демократов герценовского типа и правых славянофилов), и у французского анархо-синдикалиста Жоржа Сореля, и у раннего Муссолини, а также в большинстве концепций, именуемых «консервативной революцией». Определение солидаризма как идеологии «антицентра», в котором смыкаются концептуальные противоположности, представляется наиболее адекватным и точным.

Вопрос о родственности и взаимопроникновении — вплоть до тождественности — солидаризма и иных политических идеологий остается дискуссионным. К разновидностям солидаризма либо к его близким «родственникам» можно отнести такие политические и идеологические феномены, как анархизм, анархо-капитализм, анархо-синдикализм, коммуитаризм, «консервативную революцию», корпоративизм, неокорпоративизм, лейборизм (идеологию трудовых партий), христианскую демократию.

Нередко солидаризм бесосновательно смешивают с социал-демократическими течениями и с авторитарным корпоративизмом (фашизмом). Примечательно, кстати, что сами участники НТС вспоминают о том, как накануне и во время Второй мировой войны берлинская группа этого союза была самой антинацистски настроенной¹⁸. Либеральный

¹⁷ Дугин А.Г. Философия политики. М., 2004. С. 461–465.

¹⁸ Пушкарев Б. Указ. соч.

теоретик, один из основателей австрийской экономической школы Л. фон Мизес еще в начале 1920-х гг. выступал с жесткой критикой солидаризма как «псевдосоциалистической системы»¹⁹.

Дальнейшее развитие солидаризма как самодостаточной идеологии, обладающей своим собственным философским багажом и своей собственной проектной задачей, позволит увеличить его индивидуализированность и узнаваемость.

Механическая и органическая солидарности

Один из первых идеологов солидаризма французский социолог Эмиль Дюркгейм различал *механическую* и *органическую* социальную солидарность — по принципу наличия или отсутствия индивидуализации субъектов²⁰.

Так, в архаических обществах социальная солидарность основана на полном растворении индивидуальных сознаний во всеобщем «коллективном сознании» — это *механическая солидарность*, в ее основе лежит *подобие* солидаризируемых элементов, их *одноразмерность*. В соответствии с такой моделью устроены, к примеру, религия и тоталитарные идеологии. Тогда как в современных развитых обществах солидарность основывается на автономии и независимости индивидов, на разделении их функций, а также на функциональной взаимозависимости и взаимообмене — это *органическая солидарность*. При этом стоит отметить, что в развитом обществе коллективное сознание не исчезает, но его роль в жизни индивида уменьшается. А *разделение труда*, которое является не только экономическим, связанным с промышленным и интеллектуальным производствами, но всеохватным социальным явлением, предопределяет переход от механической

¹⁹ См.: Мизес фон Л. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. (Глава XVI. Псевдосоциалистические системы. См.: www.libertarium.ru/1_lib_socialism2).

²⁰ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1996.

солидарности к органической и от традиционного общества — к современному. То есть органическая солидарность строится на основе *разделения труда* и порожденных им *кооперации, взаимодополнения, взаимоусиления*.

Элементы, между которыми возникают солидарные отношения, не теряют своей индивидуализированности, разнородности и разнокачественности. Напротив, их неповторимость как раз и является основой для объединения усилий и возникновения синергетического мультиплицирующего эффекта.

Солидаризм основывается на принципе согласования индивидуальных и общих интересов, поэтому он отвергает и либеральный индивидуалистический эгоизм, и тоталитаристский коллективистский альтруизм. Его нередко ошибочно отождествляют с идеологией и практикой европейских тоталитарных режимов первой половины XX в. — фашизмом Муссолини, национал-социализмом Гитлера, фалангизмом Франко и т. п., в которых была задействована концептуальная основа корпоративизма. Однако квази-солидарность в 1920–1930-х гг. в коммунистическом Советском Союзе, а также в национал-социалистической Германии, фашистских Италии, Португалии, Австрии, Румынии и других европейских странах с похожими режимами строилась на тотальном подчинении, принуждении, а часто — унижении человека. Говорить об использовании солидаристских идей и установок коллективного сознания идеологами и практиками фашизма, национал-социализма и советского коммунизма можно лишь, имея в виду феномен механической солидарности. Да и то механическая солидарность религиозного типа предполагает добровольную лояльность индивида, тогда как в тоталитарном обществе речь идет о вынужденной и навязанной «сверху» форме солидарности. С точки зрения тоталитарных идеологий граждане являются деиндивидуализированными объектами управления, лишены какой бы то ни было субъектности и самодостаточности, а навязываемая им вла-

стью механическая солидарность является формой лояльности правящему политическому режиму.

Для органической солидарности принципиально важна категория *свободной лояльности* — это когда гражданин готов добровольно придерживаться определенной модели поведения, связанной с частичным ограничением собственного произвола, но крайне актуальной для общего интереса и общего блага. Русский философ Иван Ильин определяет свободную лояльность как основополагающее качество социальной идентичности: «Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан — их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самодеятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя»²¹.

По отношению к современному развитому обществу можно говорить исключительно об органической солидарности, которая основана на субъектности, разнокачественности участников социальных отношений и разделении труда. Однако во многих вполне успешных с экономической точки зрения азиатских странах (Китай, Южная Корея, Япония) власть пытается навязывать формы механической деиндивидуализирующей солидарности. В менее развитых странах (Северная Корея, Туркменистан, Казахстан) авторитарный либо тоталитарный режимы строятся на еще более жесткой форме «солидаризации сверху», при которой идея солидарности нередко оказывается полностью извращенной.

²¹ Ильин И.А. О свободной лояльности // Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 229.

Идеологи солидаризма на всех этапах его становления подчеркивали, что актуальной задачей является не строительство рая, а недопущение ада, не столько борьба со злом, сколько созидание добра. Поэтому солидаризм — это не идеократия²², это теория не «идеального», а «хорошего» общества, «общества блага», в котором разработаны механизмы и институты согласования интересов и ценностей всех участников социальных отношений²³. Подобные интенции солидаризма являются определенной гарантией от перерождения этой идеологии в тоталитарную идеократическую утопию, коих в постсоветской России возникло немало, причем возникло из самых благих побуждений и на самых «духовно-религиозно-патриотических» основах.

Типы и уровни социальной солидарности

Одна из важных проблем солидаризма связана с определением сфер, в которых устанавливаются солидарные отношения. Любой аспект идентичности человека, коллективного субъекта либо государства может стать основой для солидаризации — с носителями такой же или близкой идентичности против носителей иной. Представляется оправданным говорить о солидаризации на основе интересов, ценностей и институтов.

Солидаризация может быть гражданской, социально-политической, экономической, профессиональной, сословно-кастовой, имущественной, образовательной, культурной, языковой, этнической, цивилизационной, расовой, гендерной, региональной, а также экзистенциальной.

²² О чуждости солидаризма идеократии говорит и С.А. Левицкий. См.: *Левицкий С.А. Солидаризм и демократия // Левицкий С.А. Указ. изд. С. 286.*

²³ Содержательные попытки философского обоснования «хорошего» общества представлены в одноименных книгах Джона Гэлбрейта и В.Г. Федотовой. См.: *Galbraith J.K. The Good Society: The humane agenda. Boston-N.Y., 1996; Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.*

Среди уровней солидарности можно назвать следующие:

1. **Общегражданская (общенациональная) солидарность (солидарность политической нации):** развивается при помощи символического и культурного ряда (гимна, герба и иных символов государственности), национальной идентичности, национальной культуры, национального информационно-коммуникативного поля. Сюда же относится общегосударственная солидарность различных регионов страны.

2. **Этническая, этнокультурная, языковая, расовая, конфессиональная солидарность:** развивается по аналогии с общенациональной солидарностью, однако границы солидаризируемых сообществ могут не совпадать с государственными (например, общенациональная солидарность объединяет всех россиян как граждан России, тогда как этнокультурная — всех великорусов, живущих как в России, так и за ее пределами, конфессиональная — всех православных во всем мире и т. д.).

3. **Локальная, региональная, субэтническая солидарность:** проявляется в культурных и в политических аспектах — в сепаратизме, в требованиях автономизации региона либо федерализации страны.

4. **Гражданская солидарность граждан и общественных организаций как членов гражданского общества:** реализуется в создании системы негосударственных структур, обладающих социальной субъектностью и возможностью влиять на государство и государственную политику. Гражданское общество выстраивается именно как самоорганизующийся механизм солидаризации и согласования частных интересов.

5. **Повседневная солидарность граждан:** проявляется, в том числе, против государства, его органов и представителей.

6. **Трудовая солидарность работников и работодателей:** реализуется в улучшении работодателем условий труда, в увеличении зарплаты, в распределении среди них части прибыли.

7. **Профессиональная (внутриотраслевая) солидарность:** реализуется в создании профсоюза, готового отстаивать, за-

щищать и лоббировать профессиональные и трудовые интересы перед государством. При этом работодатели и работники солидаризируются против государства.

8. Классовая солидарность: реализуется путем создания политического субъекта (партии, движения), готового выражать и отстаивать классовые интересы — вплоть до вхождения во власть или даже захвата власти.

9. Кастово-сословная солидарность: проявляется в иерархичном построении общества, в параллельном существовании нескольких «этажей» культуры, в разнообразии этических норм, характерных для разных сословий.

10. Историческая солидарность: проявляется в культивировании связи народа с будущими и прошлыми поколениями, в так называемой политике памяти, основанной на идеологически мотивированной интерпретации исторического процесса и системе представлений об «общем прошлом».

11. Цивилизационная солидарность страны с иными странами, принадлежащими к одному цивилизационному ареалу: реализуется в создании экономических и политических блоков и союзов, в объединении усилий на международной арене — включая взаимную поддержку в международных организациях, в отказе воевать друг с другом, в отказе интриговать друг против друга, в предоставлении друг другу экономической и военной помощи на льготных условиях.

12. Экзистенциальная солидарность — «сотворчество» (синергия) человека и Творца, а также соборность как единство членов церкви во Христе: реализуется в духовных практиках и культурной сфере.

Одна из актуальных проблем современного солидаризма заключается в построении адекватной иерархии, в которой преодолевались бы противоречия между различными типами солидарности — скажем, разрешался бы классический для Нового времени конфликт между социальной и национальной (этнокультурной) солидарностями.

С проблемой иерархии солидарностей связан самый сложный вопрос в солидаризме — о гражданском обществе как механизме солидаризации и согласования интересов.

Представляется, что на современном этапе развития солидаризм имеет большой арсенал интеграционных и когнитивных механизмов: во-первых, социально-экономического характера (налоговая политика, профсоюзы как посредники между работниками и работодателем, социальные гарантии государства, точечное вмешательство государства в экономику, государственное финансирование целевых проектов); во-вторых, политического характера (технологии «мягкой власти» и рефлексивного управления, технологии самоорганизации, широкий инструментарий разрешения социальных конфликтов — например, технология нарративной медиации); в-третьих, ценностного характера (этика ненасилия и «запрета зла», социальное доверие, свободная лояльность). Если в эпоху Модерна предполагалась интеграция и солидаризация интересов на основе институтов, то в нынешних условиях речь может идти об интеграции на основе и институтов, и ценностей одновременно.

Проблемы солидаризма в России

При всей любви русской культуры к солидаризму, при детальной разработанности темы «солидарности в Духе» в русской философии, для российской политической культуры эта тема остается маргинальной. Российская власть всегда настороженно относилась к попыткам общественной самоорганизации; о возможности солидарности между государством и обществом, между властью и народом речь вообще никогда не шла — ни в царской России, ни в России советской, ни в России постсоветской. Жестко централизованное авторитарное государство исторически выступало субъектом мобилизации населения, но не ядром его солидаризации. Более того, нередко оно выступало объектом, про-

тив которого население консолидировалось. Представление о том, что государство — враг, что от него ничего хорошего ждать не стоит, — одна из констант российского сознания и российской политической культуры. Солидарность против государства — это был главный механизм колонизации и заселения азиатской части России: социально активные люди убегали от государственного произвола в Сибирь, на Урал, на Дальний Восток, а также на Дон и на Северный Кавказ, а государство их догоняло и брало под свою опеку, раздвигая таким образом имперские границы.

Особенность устройства российского общества и политической системы заключается в специфической природе власти, которая является единственным субъектом и монополистом управления. Это ставит под сомнение перспективы солидаризма и как идеологии, и как политической философии. В России возможна солидарность на уровне локальных групп, но не в отношениях с участием государства. Солидаристская риторика и идеологемы могут использоваться государством (властной корпорацией) в утилитарных пропагандистских целях (уменьшение протестных настроений, мобилизация вокруг власти и главы государства персонально), однако на практике солидарность подменяется авторитарным патернализмом.

Солидаризм предполагает взаимодействие на основе разделения труда, т. е. на основе разделения субъектных функций. Однако первым делом он предполагает наличие субъектности у всех участников отношений.

В нынешней России солидаризм едва ли может стать политической программой провластных политических сил либо либеральной оппозиции. Хотя первыми он может быть воспринят как технология по дополнительной легитимизации политического режима — что-то вроде «народности» из знаменитой уваровской триады, вторыми — как технология антикремлевских выступлений. Но, как нам представляется, у солидаризма есть возможность продуктивной востребо-

ванности: он может стать мировоззрением и мегаидеологией амбициозных контрэлит — в частности, т. н. креативного класса. К нему можно отнести активных, субъектных людей, занятых преимущественно в нематериальном производстве, науке и бизнесе, создающих «очаги развития» и инновации, от которых на сегодняшний день зависит внутренняя и международная конкурентоспособность России.

Но креативный класс в силу своей природы стремится к самоуправлению, самоорганизации и саморазвитию. Вопрос заключается в том, готова ли власть ради высоких целей — ради модернизации страны и повышения ее конкурентоспособности в мировом контексте — признать за представителями креативного класса субъектность, не нарушать ее и создавать условия для синергетического эффекта от взаимодействия этого амбициозного сообщества и государства? Либо власть, как это неоднократно бывало в российской истории, боясь потенциальных конкурентов и опасаясь за свое будущее, «сольет» субъектность амбициозных классов, превращая их представителей в «лишних людей»?

SWOT-анализ концептуальных ресурсов солидаризма

Концептуальные и технологические перспективы солидаризма было бы уместно рассмотреть с точки зрения соотношения факторов силы, слабости, возможностей и угроз — при помощи матрицы «качественного стратегического анализа» (SWOT-анализа). Этот метод перспективен для построения стратегии эффективного развития, ориентированной на *генерирование смыслов и активных действий*, а не на изначально проигрышный тип реактивного ответа на внешние вызовы.

Сила (Strength) — преимущества субъекта

Идеология солидаризма способна дать ответы на сложные вызовы нынешней эпохи, касающиеся социальной орга-

низации, — в условиях возросшей социальной мобильности индивида, гибели модернистских ценностей и институтов, становления постиндустриального общества и т. д.

Идеология солидаризма исходит из предпосылки субъектности всех участников социальных отношений, поэтому позволяет создать модель социальной самоорганизации — синергетического сосуществования и взаимодействия индивидов, классов, корпораций.

Идеология солидаризма свободна от принуждения, она исходит из приоритета технологий «мягкой власти» (soft power) над традиционными технологиями «жесткой власти» (hard power). Солидаристский дискурс, идеи социальной солидарности и «солидарности в Духе» можно рассматривать как «мейнстрим» отечественной философской и культурной традиции («сродный труд», «соборность», «всеединство», преобразование, взаимопомощь, кооперация, разделение труда).

Солидаризм по своей природе не является жесткой идеократией, но при этом имеет духовно-нравственный мировоззренческий фундамент.

Солидаризм дистанцирован от новейших российских идеократических тоталитарных утопий (неоевразийства, «византизма», «политического православия», «атомного православия», «новой опричнины» и др.).

Исторически сложившиеся традиции и механизмы социальной солидарности «против государства». Опыт «убегания» общества от государства.

Солидаризм существует и в экзистенциальном, и в социально-технологическом измерениях: солидаризм-как-соборность и солидаризм-как-взаимопомощь.

Слабость (Weakness) — недостатки субъекта

Недостаточная индивидуализированность и узнаваемость солидаризма как самодостаточного социального учения (нередко его смешивают с социал-демократией, ита-

льянским фашизмом или немецким национал-социализмом, считают «гибридной» идеологией).

Отсутствие у солидаризма четко определенного собственного места на «карте» политических идеологий — среди консерватизма, либерализма, социализма, социал-демократии и др.

Длительные временные перерывы в активном развитии солидаристских учений.

Распространенные ошибочные представления о солидаризме как идеологии тоталитарного либо авторитарного типа.

Плохая совместимость российской политической культуры, основанной на моноцентризме власти, и идей солидарности, предполагающих субъектность всех участников социальных отношений.

Недостаток межличностного доверия, атомизированность современного российского общества.

Недостаточная разработанность концептуальных категорий солидаризма в целом, недостаточная разработанность критериев разграничения свободы индивида и общественных интересов в частности.

Недостаточный интерес к солидаризму со стороны политического и интеллектуального сообществ в современной России (интерес к солидаризму и неокорпоративизму в Украине, Беларуси и Казахстане заметно выше).

Возможности (Opportunities) — благоприятные факторы внешней среды

Востребованность солидаристских этических ценностей в современной России и мире.

Солидаризм способен стать эффективной идеологией инновационной модернизации в современной России.

Высокий мобилизационный потенциал — солидаризм может стать мировоззрением креативного класса — основного субъекта инновационной модернизации.

Концептуальные предпосылки и основы солидаризма способны на теоретическом уровне подойти к решению

вопросов — о социальной справедливости, справедливом распределении государственной ренты, государственной идеологии нового типа, полиархии, креатократии как политическом режиме.

Солидаризм позволяет снизить уровень классовой борьбы и классовых противоречий путем конвергенции интересов. Становится возможным преодолеть непреодолимые для социал-демократии и либерализма противоречия между трудом и капиталом — между интересами работников и работодателей.

Создает концептуальный и социальный потенциал для развития «хорошего» общества.

Угрозы (Threats) — противодействие внешней среды

Под видом солидаризма и теории самоуправления в информационном пространстве могут продвигаться антигосударственные идеи, идеи дезинтеграции Российской Федерации.

Современное Российское государство и российские элиты, участвующие в распределении нефтегазовой экспортной ренты, не заинтересованы в развитии субъектности внеэлитных слоев и в солидаризации общества вокруг общенациональных интересов.

В современной России риторика и концептуальный аппарат солидаризма могут быть использованы государством в корыстных целях — для повышения собственной легитимности и углубления односторонней лояльности внеэлитных слоев (народа).

Дезинтеграция креативного класса как наиболее склонного к солидаризму социального слоя, недостаточность условий и предпосылок для его консолидации.

Таким образом, классический солидаризм и его современные модификации, определяемые нами как новый солидаризм (неосолидаризм), могут рассматриваться как перспективные

концепции, созвучные вызовам новой постиндустриальной эпохи, эффективно вписывающиеся в социо-культурные параметры восточнохристианской цивилизации и способные стать мировоззрением и стратегией амбициозных классов — «моторов» российского развития.

Солидаризм, ориентированный на субъектность всех без исключения членов общества, — это идеология совместного прорыва, совместной творческой эволюции. Это угроза сложившемуся в обществе порядку вещей и отношений, но одновременно это шанс на развитие, это билет в будущее. Время покажет, способна ли эта возможность превратиться в актуальную реальность, и достаточно ли у солидаризма творческой энергии, чтобы модернизировать и преобразить Россию.